

Международное ядерное право

БЕЗЪЯДЕРНЫЕ ЗОНЫ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ РЕГИОНАЛИЗМ?

В.А. Романов*

Около двух лет назад, рассматривая в рамках своей разоруженческой повестки дня вопрос о безъядерных зонах в различных районах мира, международное сообщество в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН с удовлетворением констатировало, что Договор об Антарктике, Договор Тлателолко, Договор Раротонга, Бангкокский договор и Договор Пелиндаба “обеспечивают постепенное освобождение от ядерного оружия всего Южного полушария и прилегающих районов, охватываемых этими договорами”. Ассамблея призвала участвующие в договорах государства “использовать пути и средства сотрудничества для укрепления статуса Южного полушария и прилегающих районов как пространства, свободного от ядерного оружия”¹.

Таким образом, признано, что в процессе создания безъядерных зон достигнут важный рубеж: свободным от ядерного оружия становится практически одно полушарие. Это, конечно, является крупным достижением в решении задачи предотвращения распространения ядерного оружия и создания политико-правовых преград к его размещению на половине поверхности Земли.

Но при всей важности достигнутого подобного рода ограничения на ядерное оружие не могут распространяться лишь на Южное полушарие, половину земной поверхности. Процесс региональной денуклиаризации все больше должен охватывать и Северное полушарие, особенно его конфликтные районы. Международный режим нераспространения ядерного оружия, частью которого стало создание региональных безъядерных зон, по самому своему назначению только и может быть режимом универсального охвата. Характерно,

*Чрезвычайный и Полномочный Посланник, профессор кафедры международного права МГИМО(У) МИД РФ.

что в одном из своих решений состоявшаяся в 1995 году Конференция по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия, превратив его в бессрочный договор, указала также, что “приветствовала бы создание дополнительных зон, свободных от ядерного оружия, ко времени проведения Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2000 году”². В этом контексте все больше внимания привлекают к себе два крупных региона: Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ) и Центральная Азия. Речь идет о создании в ЦВЕ пространства, свободного от ядерного оружия, а в Центральной Азии — безъядерной зоны.

* * *

Как указывал в своем выступлении на Международной конференции в Минске, посвященной перспективам создания такого пространства (1997 г., апрель), Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, эта идея имеет “непростую историю”³.

Впервые предложение о создании “безъядерного пояса” от Балтийского до Черного моря было высказано Белоруссией в 1990 году на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С некоторыми модификациями оно то возобновлялось, то затухало и в последующие годы.

На Конференции по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия Белоруссия вновь выдвинула свою идею. Ее поддержала Украина. В Стокгольмской декларации 1996 года Парламентской ассамблеи ОБСЕ было заявлено о полезности создания безъядерных зон в регионе ОБСЕ⁴.

Заметной вехой в разработке концепции безъядерного пространства и некоторых его политико-правовых параметров явилась организованная МИД Белоруссии и Белорусским университетом уже упомянутая Минская конференция. В ней участвовали делегаты от 26 стран, а также от ООН, МАГАТЭ, секретариата СНГ и некоторых неправительственных организаций. По своему уровню и содержанию она вышла за рамки обычного обмена мнениями в научно-практическом плане. Конференция стала форумом обоснования и продвижения концепции создания безъядерного пространства в ЦВЕ, в частности как одной из мер противодействия выдвиганию натовского ядерного оружия из района нынешней территориальной сферы действия альянса на восток и нейтрализации попыток вовлекать его новых членов в реализацию прежде всего антироссийских и антибелорусских проявлений ядерной стратегии НАТО.

Как указал в своем выступлении на конференции министр иностранных дел России Е.М. Примаков 8 апреля 1997 г., идея создания безъядерного пространства “является не только отражением и своеобразным продолжением общемирового процесса, но она направле-

на, я хочу это особо подчеркнуть, на особый район — на Центральную и Восточную Европу”. Один из главных аспектов белорусской инициативы, продолжал министр, заключается во включении предлагаемого безъядерного пространства в общую структуру европейской безопасности. Разрабатываемая в рамках ОБСЕ Хартия европейской безопасности не может обойти разоруженческие вопросы, и среди них в первую очередь сокращение ядерного арсенала на континенте. “Вот здесь именно и может найти применение идея превращения Центральной и Восточной Европы в безъядерное пространство”⁵, — резюмировал российский министр взаимосвязь между безъядерным статусом определенного пространства и системой безопасности в регионе, частью которой оно является, иначе говоря, новое функциональное назначение безъядерного статуса.

С заявлением в поддержку создания в ЦВЕ пространства, свободного от ядерного оружия, выступил на конференции посол Китая в Белоруссии, и таким образом поддержка прозвучала со стороны двух ядерных держав.

Что касается позиции западных стран, А.Г. Лукашенко, сопоставляя известные сентябрьские 1995 года и декабрьские 1996 года решения НАТО, высказался в том плане, что “есть определенные подвижки” в позиции альянса по вопросу о ядерном оружии в Европе⁶. Как уже отмечалось в “Московском журнале международного права”, в “Основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО”, подписанном в 1997 году, нашло свое выражение и политическое обязательство о невыдвигении на восток ядерного оружия с территории нынешних членов альянса. При этом важен нюанс: речь идет не о продвижении ядерного оружия на их территорию, а о невыдвигении его с территории нынешних членов альянса. Характерный штрих: польский участник Минской конференции (из неправительственного общества “Польша – Восток”) отметил в своем выступлении, что причастность Польши к рассмотрению вопроса о безъядерном пространстве в ЦВЕ могла бы осложнить ее вступление в НАТО; иное дело — польское отношение к вопросу о безъядерном пространстве после вступления в альянс. В связи с этим, хотя польская внешняя политика в немалой степени изменилась по сравнению с тем, что она отстаивала в конце 50-х годов, на память невольно приходит завоевавшее немалый авторитет предложение Польши 1957 года (известное как “план Рапацкого”), предусматривавшее создание безъядерной зоны в Центральной Европе.

По вопросам содержания статуса пространства, свободного от ядерного оружия, в ЦВЕ и кругах охватываемых им государств вырисовываются — это показала и Минская конференция — лишь предварительные соображения.

Прежде всего, конечно, возникает вопрос: в чем смысл замены уже устоявшегося в международной практике понятия “безъядерная зона” термином “безъядерное пространство”? Как считает один из белорусских аналитиков, “термин “пространство” придает гибкость белорусскому предложению, позволяет обсудить с потенциальными участниками и заинтересованными государствами юридические и политические основы реализации этой идеи, не привязываясь к стереотипам, связанным с безъядерной зоной”. По его мнению, наиболее рациональным и перспективным является сочетание политических и юридических обязательств, дополнение содержания пространства новыми элементами безопасности.

Далее речь идет о том, чтобы в безъядерное пространство в ЦВЕ входили несколько групп государств. Первая, “основная” – Белоруссия, Украина, Молдова, государства Вышеградской группы, страны Балтии, Румыния, Болгария – составляла бы “ядро этого пространства и имела бы наиболее полные обязательства по безъядерности”, исходя из стандартных параметров безъядерных зон с некоторыми уточнениями. Вторая группа – Швеция, Финляндия, Австрия, государства бывшей Югославии, Албания – “могла бы присоединиться к тем обязательствам первой группы, которые отвечали бы их интересам”. Она могла бы также взять на себя “политические безъядерные пространства”. В третью группу могли бы войти Норвегия, Дания, Германия, которые могли бы внести “вклад в безъядерное пространство в силу особенностей своего законодательства или международных договоренностей в отношении ядерного оружия альянса и союзнических обязательств”.

Существенным компонентом статуса безъядерного пространства явилось бы наличие у его участников обязательств “не предпринимать каких-либо шагов в области обычных вооружений или военной деятельности, способных провоцировать ответные меры ядерных государств”⁷.

В целом это видение проблемы территориальных пределов безъядерного пространства в ЦВЕ включает моменты ее реалистической постановки, но вместе с тем содержит и элементы завышенных пожеланий, которые могут только осложнять дело. Непростую и достаточно деликатную проблему поднял на конференции известный шведский специалист по военно-политической и разоруженческой проблематике Я. Правитц – о возможности включения в безъядерное пространство российского эксклава на Балтике – Калининградской области. Его обзор “A Nuclear – Weapon – Free Zone in Central and Eastern Europe” содержит в целом благоприятный для белорусской инициативы анализ⁸. Затрагивался на Минской конференции и вопрос о том, должен ли режим безъядерного пространства распространяться на прилегающие к ЦВЕ морские акватории.

Идея создания безъядерной зоны в Центральной Азии была высказана Узбекистаном в выступлении его Президента И. Каримова на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи в 1993 году.

В феврале 1997 года президенты Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана подписали в Алма-Ате Декларацию, в которой призвали все заинтересованные страны поддержать эту идею, уточнив, что зона охватывала бы пять названных стран. В целях дальнейшего продвижения этой инициативы в сентябре 1997 года в Ташкенте была проведена Международная конференция "Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия". Конференция носила весьма представительный характер: в числе присутствовавших и выступавших были участники от ОБСЕ, Европейского Союза, Организации Исламская конференция, Организации по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке. Генеральный секретарь ООН направил конференции личное послание.

Свои позиции в отношении создания центральноазиатской безъядерной зоны высказали присутствовавшие на Ташкентской конференции представители трех ядерных держав. С российской стороны была подчеркнута неизменность принципиального отношения России к зонам, свободным от ядерного оружия. О поддержке со стороны США в принципе создания безъядерных зон говорил представитель посольства США в Узбекистане, который отметил, что США приветствуют желание государств Центральной Азии предпринять шаги, ведущие к региональному сотрудничеству и безопасности, одним из элементов чего была бы безъядерная зона. Китайский посол в Ташкенте заявил, что его страна "ценит и поддерживает инициативу" создания центральноазиатской безъядерной зоны, которая "должна иметь четкие географические границы", а входящие в ее состав государства "не должны отказываться от выполнения своих обязательств под каким-либо предлогом, включая военные союзы"⁹.

В итоге Ташкентской конференции было подписано Заявление министров иностранных дел Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана, в котором говорится "о необходимости объявления Центральной Азии зоной, свободной от ядерного оружия, как важнейшего элемента укрепления ядерной безопасности". В нем содержится призыв к постоянным членам Совета Безопасности ООН и всем государствам поддержать инициативу создания такой зоны и оказать этому "всяческое содействие". Заявление завершается просьбой к соответствующим органам ООН создать группу экспертов ООН с участием региональной группы экспертов "для рассмотрения форм и элементов подготовки и осуществления договора о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного ору-

жия". Подписавшие заявление министры сочли уместным выразить в нем удовлетворение тем, что страны, добровольно взявшие на себя обязательства по участию в безъядерных зонах, составляют значительную часть мирового пространства и являются "творцами новой культуры ядерной безопасности".

Международное сообщество не замедлило позитивно отреагировать на центральноазиатскую инициативу. В резолюции 52/38 "Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии" Генеральная Ассамблея ООН указала, что создание безъядерных зон в различных районах, "включая Центральную Азию", поможет укреплять мир и стабильность как на региональном, так и на глобальном уровне "и в интересах безопасности государств в Центральноазиатском регионе". Она призвала все государства поддерживать инициативу, направленную на создание такой зоны, приветствовала предложение Киргизии провести в 1998 году в Бишкеке совещание экспертов по вопросам создания зоны и поручила Генеральному секретарю ООН оказать содействие центральноазиатским странам в подготовке "формы и элементов" соглашения о создании зоны, повторив, таким образом, фразеологию обращенной им ранее к ООН просьбы¹⁰.

Работа над содержанием и формулами обязательств по договору о центральноазиатской безъядерной зоне впереди, но уже сейчас обращает на себя внимание попытка ее инициаторов придать концепции зоны некое экологическое измерение. Еще на Минской конференции о перспективах создания безъядерного пространства в ЦВЕ делегация Узбекистана распространила тезисы "Строительство безъядерной зоны в Центральной Азии", в которых подчеркивалось, что "содержание центральноазиатского проекта будет пропущено через призму экологического состояния региона". В связи с этим в тезисах говорилось о том, что территория Центральной Азии находится в зоне техногенных экологических катастроф, таких их источников, имеющих "длительное негативное воздействие на людей и окружающую среду, как Аральское море и Семипалатинский полигон"¹¹.

Выступая в ходе Ташкентской конференции, представитель Казахстана высказался за разработку экологического протокола к договору о центральноазиатской безъядерной зоне, а равно и за объявление безъядерной зоной также акватории Каспийского моря.

Остается все же неясным, какова же могла бы быть экологическая составляющая режима безъядерной зоны в Центральной Азии, в чем конкретно она могла бы выражаться в отношении обязательств и взаимоотношений государств – участников зоны и государств ее гарантов. Открывая конференцию, президент Узбекистана подчеркивал, что зона будет иметь более широкий, чем традиционно при-

нятый, смысл, и высказался за то, чтобы были выработаны действенный механизм физической защиты расщепляющихся материалов и меры по сотрудничеству в области хранения, контроля и учета ядерных материалов, обеспечению их безопасности. Это, конечно, имеет и экологический аспект, но к нему не сводится. В Заявлении министров иностранных дел пяти центральноазиатских государств содержится призыв к другим странам “оказать содействие в реабилитации территорий, в том числе загрязненных радиоактивными отходами”. Весь вопрос в том, как бы привнесение в режим безъядерной зоны такого рода экологической составляющей, имеющей к тому же и явно меркантильную окраску, не осложнило становление главных компонентов режима зоны, а они по необходимости не могут не быть и традиционными, не создало искусственных помех формированию соответствующих договоренностей и предоставлению гарантий. Время покажет...

Пока же важно то, что процесс выдвижения инициатив по созданию безъядерных зон продолжает развиваться, напоминая чуть ли не цепную реакцию. Выступая на конференции в Ташкенте, министр иностранных дел Азербайджана Г. Гасанов сообщил, что он уполномочен Президентом этой страны Г. Алиевым “обратиться к странам региона воздержаться от ядерных разработок для какого-либо военного использования”.

* * *

Как видно, страны СНГ, как те, что заинтересованы в создании безъядерного пространства в ЦВЕ, так и те, которые обсуждают строительство безъядерной зоны в Центральной Азии, стремятся внести в их безъядерный статус что-то новое и нетрадиционное по сравнению с тем, что предусмотрено режимом уже существующих безъядерных зон, основные параметры которых были сформулированы еще Договором Тлателолко и сводятся в итоге к нераспространению ядерного оружия в пределах соответствующего региона. Но Договор Тлателолко был заключен еще до того, как был выработан рассчитанный на универсальное применение Договор о нераспространении ядерного оружия. Строго говоря, в силу этого договора все другие государства, за исключением пяти ядерных держав, весь мир, кроме их территорий, могли бы в принципе рассматриваться в качестве безъядерного пространства или зоны. Новый элемент, который применительно к соответствующим районам внесли региональные договоры о безъядерных зонах и который отсутствует в Договоре о нераспространении, — это недопустимость размещения иностранного ядерного оружия в пределах государств — участников Договора о зоне, что, кстати, корреспондирует установке Договора о нераспространении на то, что именно региональные договоры должны

заключаться с целью обеспечения “полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях”. И эта новелла региональных договоров имеет, конечно, важное значение для уменьшения ядерной угрозы. Но за этим и некоторыми другими исключениями региональные договоры, следовавшие за Договором Тлателолко, оказались как бы обреченными в значительной мере на своего рода дублирование обязательств по ДНЯО.

У государств, только еще намеревающихся встать на путь заключения региональных договоров о безъядерных зонах, есть поэтому уникальная возможность обогатить свои будущие договоры рядом новых элементов, в том числе в отношении обязательств по обеспечению ядерной безопасности, например в том плане, как об этом говорил Президент Узбекистана Каримов, по предотвращению нападений на мирные ядерные объекты и их защите, по пресечению контрабанды ядерных материалов и т.п., — всю эту изобретательность следует проявлять прежде всего самим заинтересованным государствам.

В связи с этим нельзя не коснуться вопроса о гарантиях государствам, входящим в состав зон. Новые моменты в этом отношении уже обозначились в международной практике.

В начале 90-х годов в процессе выполнения и применения Договора о нераспространении возникла проблема удаления ядерного оружия с территорий Белоруссии, Казахстана и Украины, где оно размещалось еще во время существования СССР и где оно утратило правооснования оставаться с его распадом и провозглашением названными странами своей независимости. Государством, продолжившим участие СССР в Договоре о нераспространении в качестве ядерной державы, стала Россия, из чего исходило и решение Совета глав государств СНГ от 6 июля 1992 г. о продолжении Россией участия в этом договоре в качестве государства, обладающего ядерным оружием, включая осуществление функций депозитария ДНЯО. По Лиссабонскому протоколу 1992 года (Протокол к Договору об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений — СНВ-1) Белоруссия, Казахстан и Украина приняли на себя ряд обязательств в качестве правопреемников бывшего СССР по договору СНВ-1, в том числе обязательство присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия “в качестве государств-участников, не обладающих ядерным оружием”¹². В 1993—1994 годах это присоединение произошло.

Во время Будапештской встречи СБСЕ/ОБСЕ в декабре 1994 года на высшем уровне лидеры трех государств — депозитариев Договора о нераспространении (России, США и Англии) подписали с руководителями Белоруссии, Казахстана и Украины отдельные, но по существу идентичные меморандумы о гарантиях безопасности этим освободившимся от бывшего советского ядерного оружия странам.

В каждом из трех меморандумов содержатся обязательства трех ядерных держав предоставить гарантии безопасности в связи с присоединением (Белоруссии/Казахстана/Украины) к Договору о нераспространении. Эти гарантии идут значительно дальше тех, которые в апреле 1995 года были предусмотрены в связи с установлением бессрочного характера действия Договора о нераспространении в отношении безопасности неядерных государств — его участников от применения против них ядерного оружия или угрозы такого применения.

По существу своего содержания гарантии трем — это гарантии вообще от насильственных посягательств на эти страны, гарантии нового качества. В соответствии с ними Россия, США и Великобритания подтвердили свои обязательства:

- в соответствии с принципами Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе “уважать независимость и суверенитет и существующие границы” (Белоруссии/Казахстана/Украины);

- воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости каждой из трех названных неядерных стран, при том что “никакие их вооруженные силы не будут применены против (Белоруссии/Казахстана/Украины), кроме как в целях самообороны или каким-либо образом в соответствии с Уставом” ООН;

- в соответствии с принципами Заключительного акта “воздерживаться от экономического принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление (Белоруссией/Казахстаном/Украиной) прав, присущих ее суверенитету, и таким образом обеспечить преимущества любого рода”;

- “добиваться незамедлительных действий Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по оказанию помощи (Белоруссии/Казахстану/Украине) как государству — участнику Договора о нераспространении, не обладающему ядерным оружием, в случае, если (Белоруссия/Казахстан/Украина) “станет жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия”;

- не применять самим — и это специально оговорено в отношении Белоруссии/Казахстана/Украины — ядерное оружие против любого государства — участника Договора о нераспространении, “не обладающего ядерным оружием, кроме как в случае нападения на них, их территории и зависимые территории, на их вооруженные силы или их союзников такого государства, действующего вместе с государством, обладающим ядерным оружием или связанным с ним союзным соглашением” — именно к этому сводятся гарантии, предоставленные в заявлениях ядерных держав 1995 года в связи с

установлением бессрочного характера Договора о нераспространении и санкционированные Советом Безопасности в резолюции 984 (1995).

В каждом меморандуме предусмотрено, что все три неядерные страны и Россия, США и Великобритания “будут консультироваться в случаях возникновения ситуации, затрагивающей вопрос относительно этих (т.е. вышеизложенных. — *Авт.*) обязательств”. В нем также указывается, что он выработан, “учитывая обязательство (Белоруссии/Казахстана/Украины) об удалении всех ядерных вооружений с ее территории в установленные сроки”¹³.

Заявление правительства Китая о гарантиях безопасности Украине от 4 декабря 1994 г. и его же Заявление о гарантиях безопасности Казахстану от 8 февраля 1995 г., с одной стороны, носят более общий характер, а с другой — идут дальше в отношении обязательств по неприменению ядерного оружия. “Правительство Китая, — говорится в Заявлении, — неизменно заявляло, что Китай ни при каких обстоятельствах не обратится к применению или угрозе применения ядерного оружия против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия. Эта принципиальная позиция применяется и к Украине”¹⁴. Применительно к Казахстану это обязательство названо также “безусловным”, а позиция трактуется не только как принципиальная, но и как “неизменная”.

В обоих заявлениях указывается, что правительство Китая призывает все другие ядерные державы “взять на себя аналогичное обязательство, с тем чтобы способствовать укреплению безопасности всех государств, не обладающих ядерным оружием, включая Украину и Казахстан.

Более обще и скупое сказано в обоих заявлениях о гарантиях от невоенных мер принуждения. В заявлении, адресованном Украине, отмечается, что “правительство Китая неизменно выступало против практики оказания политического, экономического или иного давления в международных отношениях. Оно заявляет, что споры и разногласия должны урегулироваться мирным путем в рамках консультаций, проводимых на равноправной основе”. Далее, со ссылкой на предшествующие китайско-украинские документы, сказано, что “Китай заявляет о своем признании и уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины и выражает готовность к дальнейшему развитию отношений дружбы и сотрудничества между Китаем и Украиной на основе пяти принципов мирного сосуществования”¹⁵. В заявлении по Казахстану содержится в основном аналогичная, но более краткая формула.

В отличие от меморандумов трех ядерных держав — депозитариев ДНЯО, оформленных, по сути дела, как их соглашения с каждой

из гарантированных трех неядерных стран, китайские документы не выражают какой-либо договоренности и представляют собой односторонние заявления правительства Китая, упоминающие Украину и Казахстан.

Известно о гарантиях безопасности, предоставленных Украине и Францией, что подтвердил украинский представитель на Конференции по разоружению 9 февраля 1995 г.¹⁶

* * *

В повестке дня ООН давно стоят вопросы о создании зон, свободных от ядерного оружия, в районах Ближнего Востока и Южной Азии, которыми Генеральная Ассамблея занимается с 1974 года.

Политические трудности, существующие в этих регионах, не дают возможности достичь договоренностей о создании таких зон, хотя некоторые промежуточные шаги в этом направлении предпринимались. Испытания ядерного оружия, проведенные летом 1998 года, осложнили обстановку в регионе.

Странам Ближневосточного региона предложено в решениях ООН, впредь до создания безъядерной зоны, не разрабатывать, не производить, не испытывать и не приобретать каким-либо иным путем ядерное оружие и не размещать на своих территориях или на территориях, находящихся под их контролем, ядерное оружие или ядерные взрывные устройства. Вместе с тем со стороны ООН приняты и более адресные меры. В резолюции 52/41 "Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке", принятой на 52-й сессии, Генеральная Ассамблея ООН призвала Израиль, который является единственным государством в регионе, не ставшим участником Договора о нераспространении, присоединиться к этому договору. Ему предложено "не разрабатывать, не производить, не испытывать и не приобретать каким-либо иным образом ядерное оружие и отказаться от обладания ядерным оружием", а также поставить все свои не находящиеся под гарантиями ядерные установки под полномасштабные гарантии МАГАТЭ "в качестве важной меры укрепления доверия" среди государств региона и как шага к укреплению мира и безопасности.

В резолюции констатируется, что распространение ядерного оружия в Ближневосточном регионе "представляло бы серьезную угрозу международному миру и безопасности"¹⁷.

Конечно, конфликтность межгосударственных отношений в регионах, о которых идет речь, будет продолжать и впредь сдерживать процесс создания в них безъядерных зон. Но не может не возникнуть вопрос: а не явятся ли их денюклиаризация и ее договорное оформление фактором, снижающим остроту конфликтности и облегчаю-

щим урегулирование конфликтов? Ведь устранение с созданием безъядерных зон взаимных опасений по поводу возможного обладания ядерным оружием было бы само по себе важным обстоятельством, улучшающим политический климат в регионе и снижающим давление ядерного фактора на взаимоотношения государств, тем более что и со стороны ядерных держав есть возможность повлиять на ситуацию в плане эвентуального расширения гарантий, которые они дают неядерным государствам как участникам режима нераспространения ядерного оружия. Видимо, те расширенные гарантии, которые даны Белоруссии, Казахстану и Украине, могли бы являться индикатором того, что могло бы быть предпринято применительно к Южной Азии да и Ближнему Востоку со стороны ядерных держав.

В повестке дня ООН, а также и Конференции по разоружению давно уже стоит вопрос “Заключение эффективных международных соглашений о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия”. Форумы самих таких государств, в частности одиннадцатая Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Картахене (Колумбия) в октябре 1995 года, призывают Конференцию по разоружению безотлагательно достичь договоренности в отношении такой международной конвенции. ООН, признавая, что в рамках конференции по разоружению “были отмечены трудности с выработкой общего подхода, приемлемого для всех”, вместе с тем неизменно констатирует, что на конференции “не высказано принципиальных возражений в отношении идеи”, касающейся конвенции¹⁸.

Как уже отмечалось, меморандумы, подписанные Россией, США и Англией с Белоруссией, Казахстаном и Украиной, являются международными соглашениями о гарантиях безопасности этим странам как государствам, не обладающим ядерным оружием. Встает вопрос, не могут ли явиться эти меморандумы с точки зрения своего содержания прообразом той международной конвенции, о необходимости заключения которой настойчиво говорится в решениях ООН? Если после окончания военно-политического противостояния в мире и с переходом к новому качеству международных отношений — их неконфронтационности и многополярности — проблема нераспространения ядерного оружия все больше выдвигается на одно из первых мест в международной повестке дня — а это так, то для достройки международного режима нераспространения и заключения конвенции о гарантиях безопасности неядерным странам стоило бы использовать тот наработанный в виде упомянутых меморандумов материал, который уже “завезен на строительную площадку”.

¹ Организация Объединенных Наций. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на пятьдесят первой сессии. — 1996. — Нью-Йорк. — Том I. — С. 78—79.

² Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation // Issue Review. — 1997. — March. — No 11. — P. 11.

³ Перспективы создания в Центральной и Восточной Европе пространства, свободного от ядерного оружия. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 8 апреля 1997 г., Минск. Мимеографированный текст, распространенный на конференции.

⁴ Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1996. — Сент.—ноябрь. — Первый выпуск. — С. 81.

⁵ Перспективы создания... Выступление министра иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примакова 8 апреля 1997 г., Минск. Мимеографированный текст, распространенный на конференции.

⁶ Перспективы создания... Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

⁷ Санников А. Безъядерное пространство в центре Европы как фактор стабильности//Белорусский журнал международного права и международных отношений. — С. 80—81.

⁸ Ibid. Issue Review. — No 10. — February 1997.

⁹ Ядерный контроль. — 1997. — Окт.—ноябрь. — С. 48.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мимеографированный текст, распространенный на конференции в Минске.

¹² Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. — 1992. — Т. XV. — № 4. — С. 205.

¹³ Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. — 1995. — Т. XVIII. — № 1. — С. 233—235.

¹⁴ Там же. — С. 236.

¹⁵ Там же. — С. 237.

¹⁶ Там же. — С. 232.

¹⁷ Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation. Newsbrief. — Number 40. — 4th Quarter 1997. — P. 28.

¹⁸ Ibid. — P.23.

Статья поступила в редакцию в июле 1998 г.